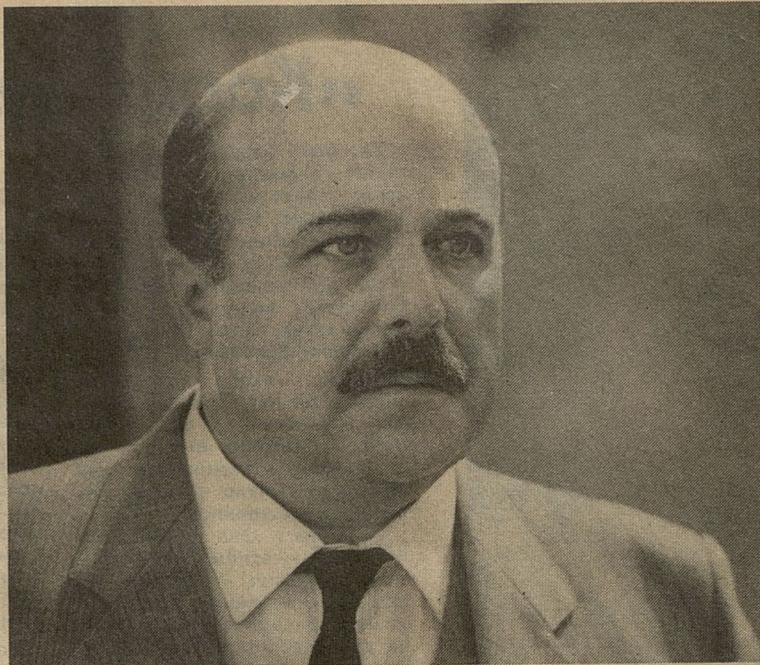

Калягин Александр
Александрович

15.1.94.

Сегодня встретиться и поговорить с кем-либо из наших известнейших артистов или режиссеров становится все труднее. «Ставит в Париже», «снимается в Голливуде», «играет в Лондоне» — варианты ответов можно продолжать. С Александром Калягиным мне повезло — он оказался в Москве. Правда, ненадолго, потому что работа за границей отнимает у него довольно много времени. Потому и наш разговор мы решили начать с проблемы, ставшей уже довольно обыденной, — что влечет русского художника на Запад!

Александр
Калягин:

«ДАВАЙТЕ ИЗУЧАТЬ ЧЕХОВА В РОССИИ»

— Александр Александрович, до недавнего прошлого, говоря о русском художнике на Западе, мы употребляли исключительно «высокий штиль» — пропаганда российских художественных традиций, культурная миссия и т. п. Но причины нынешнего массового «исхода» на Запад, пусть даже временного, наверное, не всегда столь высоки. Как, по-вашему, что побуждает наших известнейших мастеров, отбросив все российские дела, хвататься за любую возможность поработать за границей?

— Вот давайте как раз проясним этот подтекст, который всегда будет звучать со знаком вопроса. Только ли творчество движет вас, мастера искусства? С. Юрский ставит за границей, В. Смехов, А. Васильев... Я уверен, что не только творчество, но и материальные соображения. Очень неустойчиво, нестабильно наше общество, даже

крупные мастера получают просто мизер. Это и способствует их выталкиванию на Запад в поисках хлеба насущного, стабильного существования. Ну и, конечно, психологические мотивы играют немалую роль. Там тебя любят, там ты ничего не «пробиваешь», а занимаешься чистым творчеством. Четко знаешь условия контракта, свои права и обязанности. И требуется только одно — хорошая работа, чтобы и о тебе, и о русском искусстве сложилось достойное мнение. Впрочем, у каждого все складывается по-разному, я не могу отвечать за всех.

— Хорошо, давайте поговорим о вас. Насколько мне известно, вы работаете на Западе в основном в качестве педагога!

— Не только. Но педагогическая работа действительно занимает главное место. Однажды меня пригласили в Окс-

форд, в Британо-Американскую театральную академию, познакомить студентов международного курса с творчеством А. П. Чехова. Кстати, к вопросу о материальности и духовности. Мы тогда получали копейки, потому что это было только начало, к нам приглядывались. Поэтому я действительно занимался не заработком, а чистым искусством.

Потом последовало второе приглашение, третье, и я очень увлекся этим делом. Сейчас вместе с Анастасией Вертинской мы преподаем во Франции. Пытаюсь работать и как режиссер. В Кливленде, в театральном университете, я ставил «Ревизора» Гоголя. В Париже с Вертинской будем делать спектакль под названием «Чехов. Акт три», куда войдут третьи, наиболее кульминационные акты из пьес «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад». Кстати, в Париже в

этом году предполагается какой-то совершенно фантастический «русский сезон», возрождающий дягилевскую традицию. Л. Додин будет ставить «Вишневый сад» в театре «Одеон». И. Поповски, ученик П. Фоменко, — одну из пьес А. Блока. Таганка приедет. Надеюсь, что все это вызовет интерес.

— Вы сказали, что педагогическая работа на Западе произвела на вас сильнейшее впечатление. Чем же — совершенно иным уровнем преподавания, другими методиками, отношением к учебе?

— Прежде всего я увидел совершенно других студентов — самостоятельных, заинтересованных, с безумной жадностью учиться. Как они хотят все познать — что такое Чехов, русская жизнь, русский характер! Их любопытство просто потрясает. И у педагогов, режиссеров, мне кажется, возникает новое, творческое самочувствие. Когда понимаешь, что

и Мейерхольд. Но ведь сумели же во всем мире в лучших своих вещах пойти дальше в поисках нового театрального языка. Работая с Вертинской, мы опять же замечали, как иностранцам страшно интересно познать русскую театральную школу. Они с ума сходят по Станиславскому. А для наших студентов — это абсолютно закрытая тема. Они знают, что он был и что полагается почему-то кланяться этому имени. Но с самой системой Станиславского ведь большинство просто не знакомы. Потому мы зачастую пытаемся поразить иностранцев их же языком. Но сильны-то мы в другом.

— В чем!

— В способности играть сердцем. Нашего зрителя во все времена, а особенно сейчас, удается только этим тронуть. Конечно, можно увлечься изощренной техникой, изящным пластическим решением. Но такой спектакль очень бы-

стремительно. Почему Шекспира принято изучать в Англии? Там ведь практически каждый театр ежегодно ставит его пьесы, появляется масса новых научных трудов. Ну, а Чехова-то почему мы должны изучать там? Да, на Западе замечательные возможности для работы. Но ведь очень важно, чтобы студенты ощутили настоящую чеховскую атмосферу. А это возможно только здесь. Помню, как-то я повез своих иностранных студентов в Мелихово, и служители музея разрешили им сыграть там «Дядю Ваню». У них же просто слезы лились! Представляете, что значило для них прикоснуться к чеховскому роляю, присесть в его кресло... Я думаю, что для молодых это должно быть незабываемо. Поэтому, конечно, надо организовать интернациональную школу именно здесь, в России.

— Давайте и мы в нашем разговоре вернемся в Россию. Год назад спектаклем «Дядя Ваня» открылся новый театр «Етс», где вы стали художественным руководителем. Критика восприняла спектакль, мягко скажем, скептически. А как считаете вы — состоялся ли дебют нового коллектива?

— Я на критику могу обижаться или нет, это роли никакой не играет. Конечно, легко расшифровать спектакль, где все ясно, все гайки закручены. И как тяжело порой разобраться, когда на сцене просто течет жизнь как она есть. Вот с этой точки зрения, мне кажется, наш дебют состоялся. Наверное, многие ожидали, что если берется всем известная пьеса, то мы поставим ее с ног на голову. А мы вот сделали спектакль в скромном, классическом, немного традиционном плане. Возможно, это не очень выигранный момент для открытия нового театра.

Ну а что мы — МХАТ собирались переплюнуть? Нет. У нас свои задачи. Я очень доволен сложившейся актерской компанией. Конечно, у меня нет эйфории — вот, мы всем показали, как надо играть и ставить Чехова. И все-таки, мне кажется, что наш «Дядя Ваня» впол-

не имеет право на существование.

— Как будет складываться судьба театра «Етс»!

— Честно говоря, у меня уже не раз возникала мысль, а не бросить ли это все? Потому что очень тяжело добывать деньги, ходить, просить, умолять. Хотя есть люди, которые нам помогают — и в мэрии, и в комитете по культуре. Но все же я пока не могу смотреть на будущее этого театра слишком оптимистично. Я не знаю, чем все это закончится, как мы дальше будем жить. А выжить надо, потому что у меня есть ответственность перед людьми, которые мне поверили. И я обязан платить за эту веру. Планов же чисто творческих, конечно, много. Сейчас к нам пришел режиссер В. Салюк со своими интересными задумками. Что касается актеров, то мы будем сочетать антрепризное и штатное существование. У нас пока нет своих «звезд», но зрителя нужно привлекать в театр и именами тоже. Поэтому будем приглашать известных актеров на разовые работы. В общем, нам еще предстоит найти свое место в искусстве.

— Александр Александрович, мы все время говорили о делах и ни разу не вспомнили о вашем собственном актерском творчестве. Чем вы сейчас занимаетесь?

— Во-первых, мечтой сыграть одну из ролей в нашем «Дяде Ване». Но из-за всех финансовых и материальных проблем мне пока это не удастся. А во-вторых, я сейчас репетирую во МХАТе роль Бориса Годунова. О. Ефремов очень давно хотел поставить эту пушкинскую драму. И он меня уговорил, заставил поверить в то, что нужно попробовать сыграть Бориса. Работа над спектаклем длится уже полтора года. И нужно очень много слагаемых, чтобы все это наконец состоялось. Хочу поставить что-то в своем театре. Только бы времени и сил хватило.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА.
Фото Т. Керимова.